

DOI 10.25991/VRHGA.2020.19.1.016

УДК 1:36.2:32(092)

*В. А. Кувакин**

УБЕЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

В центре статьи — ментальность Владимира Ленина, ее психологические, философские, социально-политические составляющие, а также его посттеоретическое отношение к марксизму как уже объективно данной ему теории, которая рассматривалась одновременно и как доктрина, вылитая из «одного куска стали», и как руководство к действию. Сочетание догматизма, прагматизма, инструментализма и волюнтаризма стало одним из главных внутренних противоречий в сознании человека, который как лидер большевизма осуществил глубочайший переворот в истории России, расколовший мир на систему мирового капитализма и мировой социалистической «лагерь». Мироззрение Ленина — одна из многочисленных версий восприятия и интерпретации идей Маркса. С точки зрения включенных в нее идей она не лучше и не хуже других версий марксизма, начиная с версии Каутского и кончая какой-нибудь экзистенциалистской его трактовкой. Главное отличие состоит в том, что практика ленинской версии марксизма, ставшая тотальной идеологией некоторых стран, радикально изменила мировую историю XX в.

Ключевые слова: марксизм, ленинизм, посттеоретический анализ, теория практики теории.

V. A. Kuvakin

V. I. LENIN'S BELIVES

At the center of the article is Vladimir Lenin's mentality, its psychological, philosophical, socio-political components, as well as his post-theoretical attitude to Marxism as an already objectively given to him theory, which was considered simultaneously as doctrine poured out of "one piece of steel" and as a guide to action. The combination of dogmatism, pragmatism, instrumentalism and voluntarism became one of the main internal contradictions in the mind of a man who led the Bolsheviks carried out the deepest coup in the history of Russia, splitting the world into a system of the world capitalism and the world's socialist "camp." Lenin's worldview was one of the many versions of perception and interpretation of Marxism.

* Кувакин Валерий Александрович, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. rf@philos.msu.ru

From the point of view of the ideas as such, it is no better and no worse than other versions of Marxism, starting with the version of Karl Kautsky and ending with some existentialistic interpretation of it. The main difference is that the practice of Leninist version of Marxism, which has become the total ideology of some countries, radically changed the world history of the 20th century.

Keywords: Marxism, Leninism, post-theoretical analysis, theory of practice of theory.

В. Ульянов стал В. Лениным не в результате какой-то мировоззренческой эволюции и свободно-стихийного формирования своих взглядов, а в результате сознательного, в большой степени «априорного» выбора учения, которому, как он верил, никогда не изменял, храня его во всей целостности и неустанно борясь за его чистоту. Будучи к моменту выбора своего жизненного пути 17 лет отроду, он еще не обладал глубоко пережитым идейным багажом. В его сознании бытовали довольно абстрактные политические и нравственные принципы, воспринятые в основном из (1) просветительских и земско-демократических установок семьи Ульяновых; (2) полузапрещенных произведений радикальных русских демократов — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, А. И. Герцена; (3) литературы общеобразовательного и общекультурного характера, как усвоенной в гимназические годы, так и прочитанных им в это время или несколько позже сочинений Ч. Дарвина, Д. Рикардо, Г. Бокля, Ф. Гизо и др. Этот круг идей не делал или не успел, не мог сделать его по каким-то причинам (хотя бы возрастным) ни, скажем, чернышевцем, ни дарвинистом и т. д. Более того, он *не был и народником*, хотя именно с этой идеологией и практикой был более всего знаком, прежде всего из опыта общения со своим братом Александром, правда, тщательно скрывавшим от Владимира самые важные стороны своей политической и террористической деятельности.

При всей абстрактности и размытости мировоззренческой позиции юного Владимира Ульянова несомненным было то, что он был, во-первых, настроен *революционно*, т. е. непримиримо по отношению к политической власти и экономическим порядкам царской империи, и, во-вторых, полон веры в то, что для борьбы с самодержавием и эксплуататорами за народное счастье нужна *теория*, причем *научная*, т. е. самая истинная и надежная. Отсюда следует и другая важная особенность превращения Ульянова в Ленина. Приоритетным в этом процессе была *практическая, политическая* сторона, которая сознательно искала для себя *теоретического инструмента* достижения своих целей. Ориентация на изменение действительности являлась преваляющим мотивом всех форм ленинской активности.

Особенно плодотворным для трансформации Ульянова в Ленина посредством *марксистского самообразования* был самарский (1889–1893) период. Из *начинающего* марксиста он превращался в *образованного* — в смысле *теоретической* подготовки — марксистского активиста. В это же время он обретает начальные *опыты* практической *политической* и *исследовательской* работы.

Накануне своего приезда в Петербург и встречи с другими молодыми и амбициозными, как вскоре выяснилось, «легальными» (П. Струве и другие) сторонниками Маркса, «марксист с Волги» обладал определенными убеждениями, которым предстояло превратиться в одну из доминирующих и самых действенных идеологий XX в.

Усвоение марксизма по преимуществу посредством чтения работ его основоположников было органически включено в общий процесс обучения Ленина. Обучение быстро перерастало во все более активное и целеустремленное овладение теорией, содержание которой становилось знанием, составляющим основу политической и философского отношения к действительности. Этот процесс свидетельствовал об отсутствии у Ленина духовной эволюции в традиционном смысле, об отсутствии перехода от одной системы убеждений к другой, что предполагает обычно по меньшей мере частичный, но существенный отказ от первоначальной системы, разрыв, а иногда и острую борьбу прежних убеждений с новыми во внутреннем мире человека. Ученичество органически перерастало в изучение, исследование, овладение и развитие в соответствии с явно или неявно осознаваемыми принципами отношения к идеям, составляющим содержательную основу мировоззрения, так же как и принципами их реализации в жизни.

Среди вовлеченных в марксистское движение в России не было никого, кроме Ленина, кто практически в качестве основного и неизменного принципа понимания и отношения к марксизму принял бы установку — относиться к нему как к целостной, завершенной в своей основе науке, *«вылитой из одного куска стали»*. Это означало ее приятие не посредством сочленения ее идей с немарксистскими, а посредством применения этой теории к конкретному предмету — экономическим, политическим и иным реалиям общества. Формирование марксистского миропонимания означала для Ленина познание теории, выработку адекватных, с его точки зрения, принципов отношения к ней и, наконец, все более масштабное ее применение к действительности с целью изменения последней. Уже здесь коренились несовместимые установки: фанатизм, догматизм и прагматизм, инструментализм в отношении к теории. Вместе с тем, *теория бессознательным образом стала для Ленина приоритетнее действительности, которая должна была быть переделана, приведена в соответствие с теорией, марксизмом как он его понял.*

Такое восприятие теории, принципы работы с ней, нарастающая рефлексия относительно этого восприятия и этих принципов, возникающее отсюда усмотрение марксизма как сложного, одновременно и теоретического объекта, и практического политического движения, и социальной реальности — и составили сущность ленинизма. Он есть не что иное, как особенное, по сути, личное понимание и применение теории в единстве с теми социальными процессами, которые, возникая и развиваясь в этом единстве, изменяли историческую картину вначале России, а потом и всего мира. Коротко говоря, ленинизм — это понятый Лениным и примененный к обществу марксизм. Это собственно ленинская версия марксизма.

Ленинское мышление характеризовалось высокой степенью практичности, она сочеталась с фактически догматической верой в то, что марксизм — это строгая и высшая по своему качеству наука. В голове у Ленина произошло переплетение прагматизма, инструментального прикладного отношения к теории с отношением к ней как к строгой науке. Научный пуризм и прагматизм — такова гремучая смесь ленинского мышления и практики. Революционность как волевое, классовое, практически-политическое начало никоим образом

не противоречила в глазах Ленина строгой научности мышления. Марксизм, как глубоко верил будущий вождь мирового пролетариата, «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью» [10, с. 341].

К этому следует добавить:

– *наступательную психологию* Ленина, «психологию активной борьбы», как выразался вождь большевизма;

– *резко критическое отношение к «идейным противникам»*, что рассматривалось не только как один из важнейших идеологических фронтов марксизма, но и как способ его теоретического и практического развития;

– *классовое рассмотрение социальной действительности*, т. е. видение и общества, и человека как бытия классовых сознаний: буржуазных, мелкобуржуазных, феодальных, социалистических и др.; человек при этом не рассматривался как индивид, но именно как представитель того или иного социального класса, а его сознание — как сознание этого класса; им была универсализирована марксистская теория классов и классовой борьбы, поглотившая в себе всякий интерес к проявлению личностного в частной и общественной жизни;

– *имперсонализм* — неизбежное следствие классового восприятия мира человеческих отношений, склонность избегать (и тем более проявлять) соприкосновения с личностным и интимным в человеке (отсюда, скажем, нелюбовь к Достоевскому, в котором он увидел лишь «достоевщину» и самокопание); известная скрытность Ленина удивительным образом оттеняется тем фактом, что у него было более 150 (!) псевдонимов, да и сам он весьма существенную часть жизни был подпольщиком и нелегалом. Такое число псевдонимов, едва ли оправданное даже нелегальным положением Ленина, может свидетельствовать о каком-то невнимании к собственному Я, его распыленности и вытеснении на периферию жизни, да и само подпольное, скрытное существование может либо обострять чувство индивидуальности, либо, напротив, запрятывать глубинное личностное начало еще глубже и дальше от сознания. Последнее, судя по всему, и случилось с будущим «вождем пролетариата». Среди его псевдонимов много очень похожих. Это дает основание думать, что они избирались не по соображениям безопасности, а по каким-то случайным факторам, что опять-таки говорит о пренебрежительном отношении Ульянова к своему собственному имени, к своему первородству;

– *отсутствие субъектной рефлексии*, нелюбовь рефлексировать относительно своего отношения к самому себе, своему познанию, действию, к самооценке и т. д.;

– *высокая рефлексивность относительно марксизма* как объективно данного теоретического феномена (возможно, как компенсация за отсутствие интереса к отношениям «Я — теория», «Я — Другой», «Я — история» и т. д.), т. е. рефлексия не на себя, а на предмет познания, погруженный в социальный контекст и существующий исключительно во имя «общего», для изменения социального;

– *риторизм и педагогическая акцентировка в суждениях о марксизме* как следствие усилия не только осмыслить теорию, но и научить других знать, понимать, принимать ее, руководствоваться ею и практиковать ее;

– *социоцентризм и историкоцентризм ленинской мысли*, которые выражались в постоянной ориентации и соотношении теории с социально-исторической практикой как следование марксистской максиме единства теории и практики во имя изменения мира;

– *диалектичность мышления Ленина*, что было естественным выражением его природных склонностей; он был диалектиком по рождению и только потом — по обучению; вместе с тем эта диалектичность чаще всего вырождалась в софистику, особенно когда ему нужно было победить в споре своих политических противников;

– *страсть к спорам, непримиримость, жажда «разоблачить», «заклеймить» своего «противника»*, что было одним из негативных следствий диалектичности (софистики), классовости и политизированности его мышления и психологии; сюда нужно добавить и довольно грубый язык ленинских работ, желчность (что проявлялось еще в детстве, когда он передразнивал манеры нелюбимых учителей) и в ряде случаев неуважение к своим оппонентам;

– в мышлении Ленина сильно сказывался его *фанатизм в достижении целей, нетерпеливость и нетерпимость ко всякого рода компромиссам* (если это только не тактическое средство в конце концов победить противника); в ряде случаев это вело к такой «модернизации» теории, которую ее основоположники не могли даже и представить (теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, возникновение целой «межформационной» исторической эпохи «перехода от капитализма к коммунизму» и т. д.).

Ленин никогда не рассматривал себя как специалиста в области философии, да и само его сознательное и принципиальное «ученичество», кажется, не располагало к тому, чтобы претендовать на какую-то особую оригинальность в области теории. Хотя оригинальность, и немалая, в его работах была, она носила *пост- и метатеоретический* характер, связанный с приданием теории *нового облика*.

Разработка им вопросов философии носила, как правило, «прикладной» характер, т. е. была связана с решением различных практически-политических задач рабочего или марксистского движения. Тем не менее ум Ленина при обсуждении им вопросов философии мог продуцировать оригинальные суждения, составившие впоследствии пищу для схоластических упражнений целой армии диаматчиков и истматчиков советской философской науки.

Проблемы диалектического материализма

В первых крупных работах Ленина (вплоть до написания в 1908 г. «Материализма и эмпириокритицизма») в контексте обсуждения социальных вопросов затрагивались в основном проблемы диалектического метода, а не философского материализма. Так, в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», как, впрочем, и во всех других, он развивает идею противоречий как метода познания общества, считая, что мы поймем социальные отношения наилучшим образом, если увидим и вскрыем содержание и движущие силы общественных, классовых антагонизмов. Эта процедура поиска и раскрытия противоречий и антагонизмов позволяет нам обрести знание содержания, динамики и тенденций развития. Ленин подчеркивал,

что диалектика как метод познания вторична по отношению к действительности, поскольку признает первичной объективную диалектику общества. Ленин писал, что марксистская теория «опирается, во-первых, на материалистическое понимание истории и, во-вторых, на диалектический метод... который состоит именно в отрицании приемов идеализма и субъективизма в социологии» [10, с. 184–185]. При этом он, мягко говоря, неточно понимал диалектику, сводя ее к «научному методу в социологии», к необходимости рассматривать общество «как живой, находящийся в постоянном развитии организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [10, с. 165]. По существу, во всех его работах 1890-х — начала 1900-х гг. диалектика понималась и применялась в основном как метод экономического и политического анализа и познания, а идея материализма реализовывалась в контексте доказательств правоты Маркса как исторического материалиста, требовавшего признавать первичность материального, экономического базиса по отношению к общественной надстройке как явлению вторичному и производному. Поверхностное знание диалектики приводило Ленина к путанице относительно диалектики как метода: «Маркс... единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же... при этом иногда явление подпадало под гегелевскую схему: положение — отрицание — отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость» [10, с. 163]. Сведение диалектики как совокупности всеобщих объективных законов к случайному их совпадению с ходом вещей — такая интерпретация едва ли была бы одобрена основоположником марксизма.

В своей первой работе, посвященной проблемам философии по преимуществу, «Материализме и эмпириокритицизме», Ленин делает своей главной задачей защиту материализма как философского учения. Он дает здесь определение материи, входит в рассмотрение вопросов познания, истины и ее критериев и др. Материя получает у Ленина несколько определений. Самым развернутым является следующее: материя — это «философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [4, с. 131].

Новое, что внес здесь Ленин, — это распространение принципа партийности на философию, которая, по его мнению, отображает в себе факт классового разделения общества, потребности и интересы того или иного класса, а также борьбу классов за господство в обществе. Более того, партийность философий, каждая из которых может быть только классовой (буржуазной, рабовладельческой, пролетарской и т. д.), является внутренним диалектическим источником развития всего историко-философского процесса: «борьба партий в философии» — источник социальной энергии, развития, прогресса философской мысли.

Учение о материи включает у Ленина рассмотрение проблем движения, пространства и времени. Материя неотделима от движения, а формы ее существования суть время и пространство. Материя «неисчерпаема» ни «вширь»,

ни «вглубь»: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна» [4, с. 277].

Особое пристрастие Ленин питал к идее отражения. Будучи приверженцем теории классов и классовых сознаний, он чаще всего применял к анализу и оценке общества *принцип социально-классового отражения*. По его убеждению, содержание всякой социальной теории мотивируется и определяется экономическими и политическими интересами или установками того класса, к которому принадлежит или которому служит тот или иной теоретик. Скажем, у народничества было мелкобуржуазное «экономическое содержание», работы легальных марксистов — это «отражение марксизма в буржуазной литературе» и т. д.

В «Материализме и эмпириокритицизме» принцип отражения был представлен как всеобщее и универсальное свойство материи. Решая проблему связи материи живой и неживой, ощущающей и не ощущающей, Ленин высказывает гипотезу о том, что именно свойство отражения и является тем связующим качеством, которое объединяет все уровни развития природы: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» Ленин приходит к выводу, что сознание — это функция мозга человека как высшего продукта развития материи, высшая форма отражения материи.

Подчеркивание отражающей сущности сознания говорило о позитивистской окрашенности понимания познания человека, о недооценке им активности субъекта. Только в «Философских тетрадах», относящихся к периоду Первой мировой войны, Ленин — не без влияния Гегеля — указывает, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».

Ленин склонен признавать как гносеологический (коррелятивно-референтный) статус истины, т. е. как соответствие содержания наших идей действительности, так и онтологический, поскольку истина относится не только к субъекту, но и к объекту и как таковая «не зависит ни от человека, ни от человечества...» [4, с. 123]

Интересной была высказанная в ходе споров с феноменалистами мысль о сложном и противоречивом, «челночном» движении человека от знания к незнанию, от незнания к знанию, от неизвестного к известному и обратно. Однако в целом Ленин разделяет установки гносеологического оптимизма: «...человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [4, с. 137].

Вторым философским текстом Ленина являются его «Философские тетради». Познания Ленина были обогащены изучением новых трудов Маркса и Энгельса, произведений Гегеля и других немецких философов, его понимание философии марксизма было дополнено учением о диалектике как наиболее полном и богатом учении о развитии. Мысли о диалектике он выразил в двух кратких заметках: «Элементы диалектики» и «К вопросу о диалектике». Он пытается интуитивно и дедуктивно проникнуть в сущность диалектики. Ле-

нин ставит вопрос о разработке общей *теории диалектики*, ограничиваясь набором несистематизированных заметок.

Его беглые мысли порой представляются довольно темными, если не иррационально-мистическими. Таковы его мысли о тождестве противоположностей, о «вечной смене» и «текучести» понятий, о том, что единство условно, а борьба абсолютна, что «не надо трех слов» «диалектика, логика и теория познания», поскольку все это суть едино, что каждая вещь связана с каждой и т. д.

В 16 «элементах диалектики» вперемешку даны суждения о диалектике вещей, диалектике познания и диалектической логике. Такая сырая экспрессия может быть объяснена тем, что фрагменты не предназначались для печати и были «выплеском» сразу многих мыслей о диалектике, накопившихся в сознании Ленина в ходе чтения и конспектирования им «Науки логики» Гегеля.

Социальная философия

Социальная философия — более органичная область размышлений Ленина. Глубже всего его волновал вопрос о революции, ее конкретные механизмы, содержание и движущие силы.

Ленин был глубоко убежден, что по мере развития капитализма «народные массы» во все большей мере просыпаются для «исторического творчества», что субъективный фактор, а не просто слепой экономический процесс с его антагонистическими противоречиями, приобретает в революциях решающую роль. Эти идеи обсуждались Лениным особенно интенсивно в годы первой русской революции, во время Первой мировой войны и накануне второй и третьей революций в России. В работах «Разногласия в европейском рабочем движении», «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Крах II Интернационала» и многих других он стремился внести максимальную ясность в то, что было сформулировано как «революционная ситуация». По Ленину, революционную ситуацию отличают следующие признаки: (1) «кризис верхов», т. е. невозможность для господствующих классов сохранять свое господство в прежнем виде, т. е. «обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому»; (2) «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» [3, с. 218] и (3) повышение сверх обычного политической активности народа.

Более существенные добавки к марксизму были сделаны Лениным по вопросам теории мировой революции и философии всеобщей истории. Уже в ходе анализа им событий 1905–1907 гг. в России он выдвинул идею о возможности «перерастания буржуазной революции в социалистическую» в рамках одного революционного процесса. В этой связи им была даже предложена весьма фантастическая форма диктатуры — «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», выражение, синонимичное словосочетанию «диктатура народа».

С этой концепцией, бывшей выражением волевого напора и революционного зуда Ленина, связывалась идея такой «диктатуры народа», которая обеспечит пролетариату как «передовому классу» возможность сразу же использовать завоевания «народной демократии» для социалистической революции и т. д. (Строго говоря, это была чистейшая демагогия. Мало того, что

идея диктатуры народа противоречила идее классов и классовой борьбы, она не отвечала на вопрос, кому и что такая диктатура должна диктовать? Можно было только постулировать существование неких врагов народа. И ждать этого оставалось недолго.)

Вскоре он подвел своего рода политико-экономический фундамент под идею возможности победы пролетарской революции первоначально в одной отдельно взятой стране (основоположники считали, что она может быть только единым мировым революционным процессом, охватывающим сразу ряд ведущих капиталистических стран). Это обоснование было дано в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», где он доказывал, что новейший капитализм есть последняя, «загнивающая» стадия капитализма, что она — «канун пролетарской революции». При этом Ленин акцентировал внимание на региональной неравномерности развития капитализма, что, по его мнению, только подтверждает возможность совершить революцию в отдельной стране, представляющей собой «слабое звено» империализма.

После октябрьского переворота 1917 г. Ленин всеми силами старался теоретически, так сказать, постфактум вписать свершившееся в марксистскую теорию. По мере того как становилось все яснее, что европейская и мировая пролетарская революция не разгорелась, Ленин все более определенно стал утверждать, что это не противоречит марксизму, поскольку сложились новые исторические условия (коренной аргумент во всех таких случаях) и Маркс и Энгельс, естественно, не могли провидеть будущее во всех деталях.

В этих обстоятельствах Ленин стал утверждать (вполне в духе П. Ткачёва), что политические перевороты, захват *политической власти* (а не смена способов производства) являются главным в социальной революции, что даже культурная отсталость не помеха для этого, поскольку можно «догонять более культурные народы после завоевания власти пролетариатом». «Победивший пролетариат реорганизует те страны, в коих он победит» [6, с. 113]. Победа социализма в мире возможна не одновременно и повсеместно, а как целая историческая эпоха перехода отдельных стран и народов от капитализма к социализму.

В результате такой корректировки существенно иной вид приобрела марксистская философия истории, опиравшаяся на представление о мировой истории как последовательной смене определенных общественно-экономических формаций в ходе социальных революций, представлявших собой диалектические «скачки». Последним таким «скачком из царства необходимости в царство свободы» (Ф. Энгельс) должна была быть мировая социалистическая революция. Но всеобщего, мирового «скачка» из одной социально-экономической формации в другую не получалось. Однако Ленин довольно «изящно» вышел из этого теоретического затруднения.

Он увлекся идеей переходности. Вначале она возникла в его книге «Развитие капитализма в России», далее возникла при обосновании чисто политически и психологически мотивированного проекта перерастания буржуазной революции в России в социалистическую. Духом переходности веет от ленинской трактовки империализма как кануна пролетарской революции и от его совершенно немыслимой и преступной идеи «превратить войну им-

периалистическую в войну гражданскую» (за пропаганду такого «перехода» в военное время подстрекателя можно было бы посадить либо в тюрьму, либо в сумасшедший дом).

Апофеозом идей перехода и одновременно перескакивания общества через ряд органических исторических состояний стала концепция «новой исторической эпохи». Ленин хорошо понимал «абортивный», как тогда говорили, характер октябрьского переворота. «Ребенок» был явно «недоношенным». Об этом прямо свидетельствует и лихорадочный план Ленина по частичной реставрации капитализма в России после нескольких лет господства «диктатуры пролетариата» (точнее, большевизма). Но советская власть как «островок» социализма требовала теоретического оправдания. Тогда Ленин и задал свой сакраментальный вопрос: а почему мы должны считать, что «скачок» из царства необходимости в царство свободы должен быть быстрым? Ведь Энгельс не уточнял, сколько времени он может длиться. Поэтому он может быть длительным и обнимать целую... историческую эпоху.

Так вся новейшая история стала определяться как переходная. В соответствии с ленинским заветом и вполне в его духе история стала рассматриваться как перманентная борьба двух мировых «лагерей», мирового социализма и мирового империализма. Даже официальное определение ленинизма оказалось связанным с этой новой философией истории. Для этого было несколько расширено сталинское определение ленинизма как марксизма эпохи империализма и диктатуры пролетариата. Ленинизм — это «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества» [1, с. 5].

Общетеоретические проблемы марксизма

В работах Ленина можно выделить различные классы утверждений: от философского (всеобщего) до конкретно-эмпирического. Однако в них есть и такие суждения, совокупность которых относится к статусу *общетеоретических* в смысле заключающих в себе идеи *всех трех базовых частей марксизма* — его философской, экономической и политической составляющих.

Примерами таких утверждений, составляющих в единстве определенные учения, являются, в частности, его понимание партийности, идеи классового сознания и соединения марксизма с рабочим движением, понятие переходности или переходных форм вместе с выросшей на его основе концепцией новой исторической эпохи как глобального перехода от капитализма к коммунизму. Ограничимся кратким описанием сути дела.

Учение о партийности

Отмечавшаяся выше предельная политизированность ленинского сознания не могла не окрашивать любую из рассматриваемых им проблем в специфические цвета партийности. Само понятие партийности было понято Лениным максимально широко. Партийным было общественное сознание, ввиду классовости общества, классовости идеологии, потребностей и т. д. По тем же при-

чинам партийными были философия, наука, искусство, мораль... Партийным оказывалось любое мировоззрение и познание.

Впервые Ленин затронул эту проблему в контексте социального познания, когда развернул борьбу на два фронта: против т. н. субъективной социологии народников и «буржуазного» объективизма легальных марксистов.

Конфигурация точек зрения состояла в следующем. Народники справедливо утверждали, что социолог, познающий общество, сам является его неотъемлемой частью со своими личными интересами идеалами и предпочтениями, и потому он не может не вносить своего субъективизма в познание и интерпретацию общества. Чтобы свести к минимуму этот субъективизм, народники предлагали социологу, как и любому сознательному члену общества быть «критически мыслящей личностью» и ориентироваться на лучшие достижения науки, философии и морали. Легальные марксисты полагали, что этот субъективизм может быть снят, во-первых, на уровне объективных статистических и эмпирико-социологических данных, во-вторых — за счет ориентации на общечеловеческие (трансцендентальные) нормы, в частности на сформулированные Кантом моральные императивы.

Ленин предложил свою, классово-партийную точку зрения. Ввиду неизбежности в обществе и индивиде классового сознания и отношения к действительности необходимо выяснить, какая классовая точка зрения является предпочтительной, после чего сознательно и открыто встать на эту классовую и партийную точку зрения. И поскольку для него позиция пролетариата самоочевидно представлялась передовой, то и каждому, что-то соображавшему в этом, нужно было встать на сторону марксизма как учения о классе, которому принадлежит будущее, который заинтересован в социальной правде и в сознании которого политическое, нравственное и научное начало совпадают. Когда же и народники, и легальные марксисты усматривали в этом что-то враждебное по отношению к классам и людям, которые не обладают пролетарским сознанием, то Ленин говорил, что никакого конфликта между идеей исторической необходимости быть марксистом и свободой воли, нравственной автономией нет, нужно только сделать выбор, «примкнуть к... борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих...» [10, с. 193]. Это предложение — встать на партийную, пролетарскую точку зрения — и было им сделано в споре с народниками и легальными (неокантианскими) марксистами. Вместе с тем ленинское понимание партийности означает гораздо большее, чем членство в какой-либо политической партии, а по сути, мало связано с таким ее смыслом. Партийность — это прежде всего установка мышления и мировоззренческий принцип, она связана как с философией и познанием, так и с политической ориентацией. Критикуя Струве за «буржуазный объективизм» и за ссылки на «общечеловеческий опыт» (с позиций классового подхода просто не существующий), Ленин пишет: «...материалист, с одной стороны, последовательнее объективизма и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [11, с. 418–419].

В теории партийности переплелись многие философские, гносеологические, моральные, социологические, философско-исторические и политические проблемы. Столь же тесно связаны между собой идеи различных частей марксизма в ленинских концепциях классового сознания и соединения марксизма с рабочим движением, относящихся к уровню общетеоретических.

Классовое сознание и соединение теории с ее аутентичной социальной базой

Стержневую роль здесь также имеет идея классов и классовых отношений. Но в концепции классового сознания она соединяется с представлением о содержании сознания как продукте социального отражения, имеющем различные уровни и качества. Классовое сознание эксплуататорских классов неизбежно ущербно и не подлинно ввиду его обремененности частной собственностью и невозможностью жить иначе, как эксплуатируя трудящихся. Пролетарское сознание подлинно, поскольку в силу своего положения рабочий никого не эксплуатирует, а соответственно, полон солидарности, чувства равенства со своими братьями по классу, стремится к справедливости и т. д. Но он поработан и необразован. Его сознание требует просвещения, подъема с уровня классового чутья и инстинкта до уровня сознания с помощью марксизма — этого научного отражения положения рабочего класса и столь же научной формулировки его задач, борьбы и будущего торжества. В этом смысле марксизм — концентрированное, научно-революционное выражение *пролетарского самосознания*.

В ленинскую концепцию классового сознания входят элементы теории отражения, марксистской политической экономии, учение о пролетариате и его миссии, идеи просвещения, — точнее, постпросвещения, поскольку здесь имелся в виду не классический путь просвещения людей абстрактным светом разума и истины, а просвещение посредством создания специального орудия и механизма — партии — для активного внесения Истины, освещающей классовое сознание пролетариата и вооружающей рабочее движение стратегией и тактикой революционной борьбы. Речь в итоге шла не о том, что и как думать, а о том, что и как *делать*.

Как общетеоретическая эта концепция тесно примыкает к идее соединения марксизма с рабочим движением. Последняя касается и вопроса о рабочем движении (сформулированной еще Марксом идеи «всемирно-освободительной миссии пролетариата»), и вопроса об интеллигенции, и принципов партийного строительства...

Роль интеллигенции определяется тем, что марксизм как научная идеология вырабатывается и распространяется передовыми ее представителями, особой межклассовой прослойкой. По отношению к рабочим марксизм выступает как (1) мировоззрение и научное выражение их объективного положения, роли и предназначения; (2) теоретическое и идеологическое ядро их классового сознания и самосознания (превращение класса-в-себе в класс-для-себя-и-для-других); (3) идейное оружие, которым необходимо вооружиться пролетариату посредством интеллигенции, вставшей на его классовую точку зрения. В теорию соединения марксизма с рабочим движением целиком входит ленинское учение о партии «нового типа». Эта новизна по отношению к «старым» рабочим

партиям (в первую очередь к партиям немецких социал-демократов) выражается прежде всего в том, что она будет не ревизионистской, не реформистской и не парламентской. (Еще на заре своей политической карьеры он говорил о «парламентском кретинизме» западноевропейской социал-демократии.) Иными словами, замышлялась боевая революционная партия, основанная на принципах демократического централизма, решительно борющаяся со всеми, не разделяющими марксизм и генеральную линию партии. Эта партия ведет перманентную круговую оборону и наступательную борьбу со всеми и всяческими враждебными классовыми силами, особенно с проводниками буржуазной идеологии в рабочем и социалистическом движении. Она особенно строго следит за чистотой своих рядов, за верностью теории и бережет ее чистоту как зеницу ока.

Концепция переходных социальных форм

Хотя Ленин твердо защищал марксистскую концепцию формационного развития мировой истории, его конкретные исторические и социологические изыскания всякий раз наводили его на мысль, что ни в природе, ни в истории чистых явлений не бывает, что в социальном мире бытует масса переходных форм, процессов, в которых противоречиво сосуществуют качественно разнородные явления. Общую основу такого положения вещей он видел в специфике социального времени. «...Если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то, — писал он, — в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего» [10, с. 181]. Эту очевидную мысль Ленин довел до методологического требования видеть в любом социально-историческом явлении непрекращающиеся процессы переходов на почве настоящего от старого к новому, от плохого и реакционного к хорошему и прогрессивному. В отечественной истории пореформенного периода переходные формы были, как он показал в книге «Развитие капитализма в России», преобладающими. Сам марксизм предстал как нечто постоянно переходящее из одного классового сознания (страны или даже головы мыслителя) — в другое. Даже ключевые понятия — «социализм» и «коммунизм» — выглядели в воображении Ленина как процесс, как череда многообразных переходных форм. По его логике, коммунизм как реальность и процесс зарождается в недрах капитализма — социального (по отношению к себе) «прошлого» — как предвестник будущего, существуя в социальном настоящем в единстве и борьбе со своей противоположностью.

Особенно очевидным для Ленина был переходный характер экономики самодержавной России, «хвост» которой был еще в патриархальном быте, а «голова» — в монополистических формах крупного капиталистического хозяйствования. Впоследствии его пристрастие к выявлению, а порой и конструированию переходных форм выразилось в концепции перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, войны империалистической в войну гражданскую, наконец, в идею возникновения невероятной с точки зрения марксизма, переходной всемирно-исторической эпохи. Идея переходности носила у Ленина как методологический, так и содержательный

характер, вовлекая каждый раз в свою орбиту различные экономические, политические и философско-исторические проблемы.

Какими бы новациями ни были отмечены идеи Ленина, относящиеся к содержанию теории, они кажутся несущественными по сравнению с тем, что им было предпринято для выработки собственной *концепции марксизма*, которую он, естественно, считал органично вытекающей из ортодоксального понимания марксизма и являющейся во многом *результатом оборачивания методологии и духа этой теории на нее саму*.

Оригинальность Ленина в том, что можно назвать *метатеоретическим* подходом к марксизму с целью дать как можно более точное понимание его теоретической структуры, ее внутренней логики и динамики, связанных с *ростом* содержания доктрины в целом; как можно более ясной картины закономерности ее *функционационирования* в обществе и как идеи, и как социального феномена; как можно более четкое улавливание особенностей исторического *развития* этой теории в конкретных обстоятельствах места и времени. Коротко говоря, как реализатора теории его особенно интересуют проблемы *идейного роста, социального функционирования и исторического развития марксизма*. Не менее уникальными оказались мысли Ленина относительно принципов работы с так (т. е. логически, социально и исторически) представленной и истолкованной теорией, принципов, имеющих целью достижение максимальной эффективности марксизма как учения, призванного изменить мир.

По сравнению с Марксом и Энгельсом, Ленин находился в принципиально ином отношении к их учению. Для первых это отношение было *историческим, субъективным* (порождающим), открытым и принципиально не завершенным. Они все время *приходили* к каким-то результатам, не завершавшим, не останавливавшим их творчество. Ленин находился в *логическом* отношении к теории как *уже данной*, он мог уже чисто логическим, ученическим путем проникнуть в ее сущность и структуру и *исходить* из нее как из чего-то в принципе завершенного и объективного.

Избрание теории как науки влекло за собой определенные психологические и методологические обязательства по обращению с ней. Во-первых, она была признана непоколебимой, завершенной, объективно данной. Во-вторых, она запрещала ревизию своего сущностного ядра (принцип «ортодоксии»). Она признавалась средоточием абстрактных истин, неукоснительных руководящих положений, орудий для анализа конкретных данных.

В статье «Некритическая критика», написанной в самом начале 1900-х гг., Ленин дал ответ на вопрос о критическом отношении к марксизму: «Разногласия между теми марксистами, которые стоят за так называемую “новую критическую струю”, и теми, которые стоят за так называемую “ортодоксию”, состоят в том, что те и другие в разных направлениях хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более или менее существенные стороны учения Маркса, становятся, например, в философии не на сторону диалектического

материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса “тенденциозности” и т. п. Первые обвиняют за это вторых в эклектизме и, по моему мнению, обвиняют совершенно основательно» [5, с. 634–635].

Образно говоря, марксизм был представлен как своего рода снежный ком (нужно было бы сказать — чугунный каток), прилагаемый к действительности с целью ее отражения, понимания и, главное, — изменения. При этом изменяется лишь периферия теории, ее верхний эмпирический слой, образующийся из «налипающих» на теоретическое ядро обобщений конкретных ситуаций, объяснений фактов и событий, впитывающий эту эмпирику в состав теории. Но в силу своего дополнительного, т. е. не только научного, но и социального, статуса (революционная пролетарская теория), она находит свою собственную социальную базу (рабочий класс), дает программу создания пролетарской партии и из теории *превращается* в марксистское общество. Таким образом, применение, или «претворение», теории — это практический процесс, *практика теории*, цель и результат которой — новая социальная реальность.

Ядро, или «идеал», теории, ее идеальное сущностное содержание служит общим руководящим принципом и отражает действительность, но абстрактно, поскольку «лишь приближается к охватыванию сложностей жизни». Приложение идеального теоретического ядра к конкретным социальным контекстам предполагает исследование последних и тем самым обогащение теории. Теория предстает как нечто неизменное и неприкосновенное в своем ядре, но весьма подвижное и изменчивое на своей конкретно-исторической и эмпирической периферии. Поэтому Ленин, например, требовал «...такого применения *основных* принципов коммунизма... которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*...» [12, с. 77]

В единстве ядра и периферии теория становится одновременно исходной парадигмой, процессом и результатом исследования вполне конкретных областей действительности. В данном случае применение символизирует собой единство теории, ее исследовательской практики и изменения социальных реальностей. По Ленину, применение, приложение, претворение идей марксизма — это теоретико-практический процесс, который соединяет в себе (1) исследование в свете теоретического ядра марксизма, (2) реализацию, воплощение теоретического содержания марксизма в действительности: от зарождения его как общественно-политического движения до материализации его идей на уровне мировой истории.

Применение, по мысли Ленина, — это не только метод, предполагающий тщательное продумывание, изучение и понимание теории, но и вопрос навыка, опыта, умения, результатом чего является объективный процесс ее роста, прогрессирующего развития и функционирования. Марксизм реально существует и живет именно на стыке теории и практики, это его аутентичная область бытования. Вопрос этот казался Ленину столь важным, что он многократно подчеркивает, что просто знание теории марксизма еще ничего не значит, поскольку нужно вывести из марксизма принципы его понимания и адекватной ему работы с ним, т. е. того, что не лежит на поверхности теории как ее особый

и готовый к употреблению раздел или инструкция по применению. По марксистки понять марксизм — это решающее условие успеха марксизма. Вот почему всякого рода ревизионисты, реформисты, ренегаты и оппортунисты грешили у Ленина одним — они истолковывали Маркса не в духе марксизма. Поэтому оказывались марксистами на словах, но предателями на деле.

Таким образом, казалось бы, отнюдь не теоретическая, а достаточно тривиальная процедура — *применение* (претворение, приложение и т. п.) — получила у Ленина статус едва ли не самой главной формы и способа *развития* марксистской теории. В более широком контексте его размышлений о марксизме концепция применения входит в состав ленинской *теории практики теории*. Двумя другими ее частями являются социология марксизма и его теориология (его структурно-функциональный и логический анализ как системы идей).

Все это подводит нас к необходимости обратиться к разработкам, в которых Ленин предстает как социолог и теоретик (точнее, теориолог) марксизма.

Теория марксизма

Особенность формулировки обусловлена тем, что речь в данном случае идет не о марксистской теории, а о теории, объектом и предметом которой является теория, в данном случае — марксистская, можно даже назвать это метатеорией марксизма, хотя при этом она теряет содержание идей Маркса. Собственно говоря, уже вопросы применения теории и ее представление как единства ядра и периферии относятся не к непосредственному содержанию марксизма, а к трактовке марксизма как, во-первых, синтеза теории и практики (исследовательской и социальной), во-вторых, как определенной теоретической структуры и ее логики.

Как исследователь марксизма Ленин использовал собственные методологические, гносеологические и психологические ресурсы этой доктрины для ее же цельного понимания, а не для разработки ее традиционных предметных областей. В ленинизме был осуществлен акт тотальной рефлексии марксизма, что привело к появлению своеобразного двойника: у марксизма возникло вроде бы свое (как заявлял, правда, не Маркс, но Ленин) самосознание, и вместе с тем были даны вполне сингулярная интерпретация и дискурсивно зафиксированный опыт применения теории. В этой ситуации вопрос об аутентичности работы с теорией и ее результатами остается исключительно сложным, поскольку трудно провести демаркацию в рамках указанной двойственности. Но в любом случае возникла, так сказать, посттеоретическая ситуация, когда завершенная (по Ленину) теория дана априори и остается только работать с ней постфактумным (ведь теория уже есть, и она неприкосновенна) образом, оставляющим место только для трех видов теоретической деятельности: (1) формулировать принципы понимания и развития теории; (2) анализировать и интерпретировать ее как логико-социо-исторический объект; и (3) вырабатывать способы и правила ее утилизации, применения и претворения. Первое и третье у Ленина во многом совпадают, поскольку развитие марксизма он видел главным образом в его применении к конкретным социальным контекстам. Вторая область работы и создавала то, что можно назвать теорией марксизма как теории и как социальной реальности.

Логико-структурные проблемы

Нельзя сказать, что Ленин приступил к анализу структуры марксизма с чистого листа. Уже Энгельс в работе «Анти-Дюринг» де-факто предложил структурировать марксизм как некое единство философии, политической экономии и «научного» социализма. Эту идею вполне осознал Плеханов. Ленин принял ее априори и уже в работе «Что такое “друзья народа”?..» реализовал в виде композиции своей книги, в которой первая часть была посвящена философии, вторая — вопросам экономики, третья — политико-практическим проблемам. В дальнейшем структура учения в целом, вопросы логических, функциональных и содержательных взаимосвязей в нем становятся предметом специального анализа во многих работах Ленина, особенно очевидно — в статьях «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Три источника и три составных части марксизма» и «Карл Маркс».

В первой он проследил логику сцепления марксизма с историей, показав, каким образом последняя влияет на интенсивные (углубление содержания) и экстенсивные («идет вширь») процессы его развития. Во второй из них он обратил внимание на историко-теоретический генезис теории, на ее происхождение и дал общее описание структуры марксизма. Особое внимание Ленин уделил анализу внутрискруктурных взаимосвязей учения Маркса. Философия определяется здесь как общая для всех частей теория познания, как «орудие познания», особенно ценное для рабочего класса. Исторический материализм дает социально-исторические основы объяснения политики и политической структуры общества, а также его экономики. Экономическое учение Маркса рисует научную картину грядущих политических побед «труда над капиталом». Политическое учение марксизма, впитав и обобщив опыт европейских революций, помогло Марксу и Энгельсу создать одну из центральных концепций — теорию классово-борьбы.

Обращая внимание на полифункциональность каждой из составляющих марксизма, он не выделяет главную и решающую, полагая, что теория сбалансирована и гармонично сложена, границы между ними проницаемы, хотя она и сплавлена «из одного куска стали». Подчеркивая эти внутренние тематические взаимодействия внутри теории, Ленин пишет: «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма» [9, с. 47].

Энциклопедическая статья «Карл Маркс» определяет марксизм как «систему взглядов», которую характеризует «замечательная последовательность и цельность». К философской составляющей марксизма он относит материализм, диалектику, материалистическое понимание истории и теорию классово-борьбы. Философия, по Ленину, играет роль общего, объединяющего методологического и гносеологического начала, она — «душа марксизма».

Экономическая доктрина играет роль своего рода научно-эмпирического базиса всего учения, является наиболее глубоким, всесторонним и детальным его подтверждением и применением. Функциональная роль политической экономии состоит в том, что через ее посредство философия и научный социа-

лизм получают свое конкретное, частнонаучное обоснование. Иначе говоря, ее особое назначение состоит в придании марксизму конкретного, эмпирически обоснованного характера. Благодаря своему политико-экономическому содержанию марксизм обретает статус фундаментальной и прикладной науки одновременно, совмещая в себе достоинство всеобщего и богатство конкретного.

Такой же социально-конкретный и целеустремленный характер придает ему и политическая теория. Политическая философия начинается с того, чем завершается политическая экономия. В разделе «Социализм» Ленин пишет: «...неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического движения современного общества» [2, с. 73]. Со своей стороны политическая часть марксизма играет существенную роль в формировании остальных его составляющих, поскольку взгляды основоположников учения складывались из их собственного политического опыта и под влиянием классовой борьбы рабочих. Это придало их материализму «значение революционной практической деятельности», и «основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми послылками своего материалистически-диалектического мирозерцания». Таким образом, Ленин склоняется к структурному определению марксизма, сочетаемому с контекстуальным его определением.

Социологический анализ марксизма (социология марксизма)

Погружая марксизм в общество, рассматривая его одновременно как идею и как идейное течение, Ленин более всего интересуется общими и конкретными закономерностями взаимодействия теории и общества.

Спектр социологического рассмотрения марксизма включал в себя множество различных сторон отношений марксизма и общества. Ограничимся кратким разъяснением сути дела.

Во-первых, Ленина интересуют закономерности отношений в системе «марксизм — рабочее движение». Об этом говорилось выше, так что к сказанному можно лишь добавить ленинскую идею о «встречном» движении марксизма и рабочего класса, первого — сознательно, второго — стихийно.

В отличие от в принципе бесконфликтного развития теории в головах теоретиков, «жизненный» путь марксизма отмечен самыми различными перипетиями. Главными социологическими понятиями, обозначающими эту динамику, были у Ленина «проникновение», «возникновение», «распространение», «внесение», «соединение», «упрочение», «утверждение», «развитие», «победа», «триумф», «торжество» (марксизма) и другие, казалось бы, далекие от теории термины.

Во-вторых, для Ленина как практика теории было исключительно важно разобраться в спектре сложных взаимодействий марксизма с немарксистскими социальными реальностями: от прямых врагов марксизма (скажем, «лакеев» или «акул» империализма) до его попутчиков или разного рода ренегатов, агентов и проводников буржуазного или мелкобуржуазного влияния на рабочее или социал-демократическое движение. Тогда в действие вступала цепочка других понятий, относящихся к социологии отношений марксизма и социальных процессов: «реформизм», «оппортунизм», «защита», «отпор»,

«борьба», «разоблачение» и т. д. К этому примыкает достаточно экзотичная, никогда не интересовавшая марксистских теоретиков, за исключением Ленина, проблема социологии познания марксизма, особенности его отражения в различных классовых сознаниях.

Он считал, что марксизм как идея не знает барьеров на пути проникновения в головы людей и различных социальных групп, однако, соединяясь с классовыми убеждениями и психологией индивидов и групп, он так или иначе искажается и извращается. В лучшем случае немарксистское сознание может правильно понять марксизм, но «изображен», истолкован он будет превратно. Интерес к этим процессам был частью более общей задачи Ленина по идентификации марксизма, доказательству ложности всех отличающихся от его собственной версий и отражений марксизма.

В анализе ситуаций по социальному отражению марксизма он достигал порой вершин виртуозности и гибкости (диалектичности) мышления. «Оригинальное явление, — пишет Ленин, проследивая приключения марксизма в общественном сознании конца XX в., — марксизм был, уже начиная с 80-х гг. (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и “по Марксу” пытались опровергнуть приложения к России теории Маркса! Народническая теория г. Николая — она претендовала на звание “марксистской” (1880–1890 гг.), а впоследствии либерально-буржуазная теория гг. Струве, Туган-Барановского и К° начинала с “почти” полного признания Маркса, развивая свои взгляды, проводя свой либерализм под оболочкой “дальнейшего критического развития” марксизма» [7, с. 162–163].

Когда же в борьбе идей для рабочего движения наступают особенно трудные времена или когда оно терпит поражения, то усиление буржуазных влияний на пролетариат может быть настолько сильным, что они проникают и в среду марксистских партий и идеологов, порождая «кризис» и «распад среди марксизма». Другими словами, в терминах социологии марксизма это означало существование как процессов отражения марксизма в буржуазном и мелкобуржуазном сознании, так и *обратного отражения* этих искаженных отражений в марксистском идейном течении.

Не менее сложную конфигурацию социальных отражений марксизма Ленин обнаруживает и в международном рабочем движении. Простого указания на проникновение в рабочее движение агентов буржуазии было недостаточно, чтобы объяснить, мягко говоря, «разногласия» между идеологами пролетариата и между отдельными «отрядами» рабочего движения. Фактически это был вполне естественный плюрализм точек зрения, интерпретаций, версий марксизма и социализма, его политических практик в различных странах. Но, соглашаясь с возможностью особенностей тактики и условий борьбы пролетариата, Ленин не мог соглашаться с идеологическим плюрализмом. В этой области разногласия суть для него лишь признаки теоретических ошибок, отступлений от марксизма и т. д. Он называет ряд причин разногласий: (1)

«сам факт роста рабочего движения», поскольку «рекруты» рабочего движения, по преимуществу вчерашние крестьяне, не имеют достаточно развитого классового сознания и качество их отражения марксизма неудовлетворительно; (2) неравномерность развития капитализма и, следовательно, социалистического движения; (3) «диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий»; (4) «наконец, чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности» [8, с. 66].

Однако самый главный вопрос в системе отношений «марксизм — общественное сознание» возник для Ленина в связи с констатацией им факта, что реально «массы учатся из жизни, а не из книжки». Об этом стоило задуматься, поскольку марксизм оказывался как бы в стороне, а учеба из жизни — это, разумеется, ошибка и угроза марксизму, ведь в таком случае «отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой “урок” этого развития» [8, с. 66].

Особенно остро эта проблема встала после установления в России периода диктатуры пролетариата. Ленин крайне болезненно воспринимал два прямо противоположных обстоятельства, которые одинаково мощно угрожали марксизму как теории и как большевизму. Первое — это то, что, захватив власть, экспроприировав экспроприаторов, обобществив предприятия промышленности, большевики обнаружили, что огромный народнохозяйственный механизм России, став социалистическим, сразу и далеко обогнал теорию. Первые годы советской власти — это бурное развитие коммун, которые так же быстро и разваливались. Своей «социалистической» стихией они угрожали опрокинуть все планы большевиков удержать политическую власть. В это время Ленин лихорадочно призывал учиться социализму из советского опыта и ликвидировать разрыв между теорией и практикой.

Второе — не менее опасный разрыв между экономическими реальностями социализма и марксистскими идеологами, с одной стороны, и реальным уровнем «участников социалистического строительства» — с другой. Участники эти в массе своей, конечно, никаким марксистским сознанием не обладали и о марксизме ничего не слышали. Более того, Ленин вынужден был признать, что обучать массы марксизму — это все равно, что обучать ребенка высшей математике.

Казалось бы, возникла старая проблема — соединение марксизма с рабочим движением. Но количество здесь явно перешло в качество. Если до 1917 г. реально речь шла о числах от десятков до тысяч, то после 1917 г. соединение марксизма должно было осуществиться с десятками миллионов сознаний, причем не только пролетарских, но и крестьянских, которых выбросить из реального социализма было просто невозможно.

В этих условиях вульгаризация, примитивизация, схематизация, догматизация, сакрализация марксизма, быстрое превращение его в систему репрессивных идеологических и политических институтов оказались неизбежными — либо стать марксистом, либо превратиться во «врага народа» были обречены все.

В целом предложения Ленина сводились к развертыванию культурной революции, к ликбезу, постепенному подведению населения к марксизму посредством популярной материалистической и атеистической «классики», через тотальную пропаганду и агитацию. Во что вылилась идеологическая обработка населения, какими силовыми и кровавыми методами дополнялась и подменялась, хорошо известно из советской истории.

* * *

Кто он, так до конца не понятый, не открывшийся и не узнанный нами человек? Спаситель, злодей, просветитель, тиран или один из многих талантливых и удачливых вдохновителей «праведного террора», отчаянных усилий народов осуществить мечту о земном рае? Пока что история не вынесла своего вердикта. Да, наверное, и не вынесет. Но для нас, живущих здесь-и-теперь, всегда открыта возможность прояснить этот вопрос, сформулировать свой ответ на него.

Я могу высказать лишь свою личную точку зрения, понимая ее ограниченность и допуская ее спорность. Владимир Ленин был человеком посвященным, точнее, сознательно посвятившим себя сверхзадаче уничтожить эксплуатацию, частную собственность и мобилизовать людей на строительство коммунизма, счастливого общества, лишённого всех социальных зол. Владимир Ленин — продукт уникальных, во многом маловероятных, но реально сложившихся обстоятельств, вознесших его на гребень исторических событий начала XX столетия.

Как теоретик Владимир Ленин — великий марксист-прикладник и экспериментатор, злой гений, слепо веривший в истинность и победоносность избранного им «последнего слова общественной науки», неспособный выйти за рамки этой «строгой науки» и взглянуть на нее критически и уже поэтому — неспособный видеть мир таким, какой он есть на самом деле: сырым, живым, не охватываемым мыслью, не вмещающимся ни в какую идею и программу, стихийным и закономерным одновременно.

Владимир Ленин принадлежит к тому типу неистовых и самозабвенных людей, которые, будучи рабами своих или чужих идей, мостили и продолжают мостить своими благими пожеланиями и не благими деяниями дорогу в ад. Однако по мере медленного, но все более глубокого усвоения человечеством опыта прокладывания таких кровавых дорог в никуда, неистовым «спасителям» все труднее и труднее добиваться своих временных успехов. Верю, что человечество взрослеет. Нам дана надежда на укрепление и прогресс наших естественных и неотчуждаемых даров — гуманности, свободы, ответственности и разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. К столетию со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы ЦК КПСС. — М.: Политиздат, 1969.
2. Ленин В. И. Карл Маркс // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1961. — Т. 26.

3. Ленин В. И. Крах II Интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1961. — Т. 26.
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1961. — Т. 18.
5. Ленин В. И. Некритическая критика (По поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм») // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1958. — Т. 3.
6. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1962. — Т. 30.
7. Ленин В. И. По поводу юбилея // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1961. — Т. 20.
8. Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1961. — Т. 20.
9. Ленин В. И. Три источника и три основных части марксизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1961. — Т. 23.
10. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1958. — Т. 1.
11. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1958. — Т. 1.
12. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М., 1963. — Т. 41.